

A watercolor illustration of a woman with long, dark hair, seen from behind, standing on a pebbly beach. She is wearing a long, white, short-sleeved dress and holding a single black feather in her right hand. The background features a blue sea with white waves, a cloudy sky, and a single white bird flying in the distance.

ЕЛЕНА БУРЕВЕСТНИК

**ТЫ УШЛА,
А Я ОСТАЛАСЬ**

личная история
о жизни после смерти ребёнка

18+

Елена Буревестник

Ты ушла, а я осталась

<https://litres.ru/74114541>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты ушла, а я осталась» – это предельно искренняя история Елены Буревестник о проживании смерти дочери Таисии. Личный дневник матери, столкнувшейся с потерей ребёнка на пороге его рождения, когда мир вокруг замирает и кажется, что смысла больше нет.

Автор не даёт универсальных рецептов исцеления, но честно проходит вместе с читателем через все этапы горя, напоминая: даже в самой глубокой тьме мы не одиноки. Эта история – о тихой, женской стойкости и любви, которую не может забрать даже смерть.

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1. Ожидание. Надежда. Беременность	8
Глава 2. Роды. Потеря	18
Глава 3. Первые 40 дней	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Буревестник

Ты ушла, а я осталась

*Моей дорогой доченьке Тасеньке –
эту книгу я посвящаю тебе.
Моему небесному Ангелу.
Моя дочь с небес
Смотрит мне вослед,
И нельзя сдаться теперь.
Один день с тобой —
Вся жизнь в глазах твоих,
Цвета неба и звезд.
Один поцелуй
На всю долгую жизнь.
Можно ли любить так сильно ту,
Которую видела один миг.*

Предисловие

Я благодарю моих дорогих подруг – Юлию, Ольгу и Лидию – за то, что были рядом в моём горе и помогли мне в самые трудные минуты. Я благодарю близких и родных, врачей в роддоме, психологов и фонд «Свет в руках». Особая благодарность моему супругу и старшей дочери. В самые тёмные времена мне было теплее от вашего присутствия рядом.

Важное примечание: информация, содержащаяся в дан-

ной книге, носит исключительно ознакомительный характер и основана на личном опыте автора. Данный текст не является заменой профессиональной медицинской или психологической помощи. При возникновении вопросов, связанных со здоровьем, пожалуйста, обратитесь к специалисту.

Введение

Я пишу эту книгу для того, чтобы прожить, прочувствовать до конца ту невыносимую боль, которая принесла потерю ребёнка. Есть и другая причина – я хочу оставить память о моей доченьке, проявить её в этом мире, который она так и не увидела. Чтобы те, кто прикоснётся к этой книге, знали: жила-была девочка Таисия, у мамы в животике. Она росла, крепла, готовилась сделать свой первый вдох, который, к сожалению, так и не случился. Не случилась вся эта прекрасная и удивительная жизнь. Я искренне надеюсь, что те девять месяцев, что она была у меня под сердцем, ей было хорошо, что она чувствовала нашу любовь, и что это было счастливое время в её короткой жизни.

Я буду рада, если мои слова окажутся кому-то полезными, если они откликнутся в чьём-то сердце или просто дадут ощущение: «Ты не одна». В моём случае, с медицинской точки зрения, это перинатальная потеря – гибель плода на 39-й неделе. Но эмоционально – это бездна горя и ощущение, что часть меня умерла вместе с ней. Мой ребенок не получил свидетельства о рождении, не получил свидетельства о смерти. Будто бы её и не было вовсе. У меня есть лишь справка, подтверждающая факт рождения мертворождённого ребёнка.

Я написала эту книгу спустя полтора года после произо-

шедшего, и в ней я постараюсь шаг за шагом описать все этапы, которые прошла и которые помогли найти в себе силы жить дальше.

Глава 1. Ожидание.

Надежда. Беременность

В ожидании тебя

Первую дочку мы ждали долгих восемь лет. Врачи, книги, психологи, молитвы, советы с форумов, психологические курсы, спорт – чего только не было пройдено и сделано. Одна замершая беременность на раннем сроке и, как приговор, вердикт врачей: бесплодие. Причину тогда так и не нашли. Но вопреки всему, в мои 33 года, это случилось – беременность, роды, и вот она, живая и здоровая дочь Мирослава, у меня на руках.

Наверное, поэтому, когда я стала планировать второго ребёнка, к врачу на консультацию не пошла. На тот момент мне исполнилось 36 лет. Правильно ли я поступила тогда? Не знаю. Я делала так, как чувствовала, как считала нужным в тот момент. Я «поймала дзен» и стала делать то, что делала незадолго до первой удачной беременности: спорт, йога, прогулки на свежем воздухе, немного психологии и, главное, спокойствие. Я не хотела лишней суеты вокруг. Восемь лет ожидания первого малыша научили меня терпению. Тогда мне казалось: беременность — это естественная часть жизни, зачем что-то проверять? Я просто приступила к делу. И

чудо произошло: вторая доченька зародилась практически сразу, через четыре месяца после того, как мы начали с мужем планировать. Я была счастлива. Это была внутренняя, тихая радость.

На момент начала беременности наша семья жила в жарком климате. Мой супруг работал на строительстве крупного объекта, и я с дочкой переехали вслед за ним, чтобы быть вместе. Я не работала, была в декрете и наслаждалась материнством.

Практически весь первый триместр беременности пришёлся на палящее лето. После наступления беременности, мне стало тяжело переносить высокую уличную температуру. Поэтому первые два-три месяца я гуляла со старшей дочкой только утром и вечером, когда спадала жара, а днем почти всё время мы сидели дома.

Беременность

Моя вторая беременность, ожидание Тасеньки, началась с токсикоза на втором и третьем месяце. От тошноты меня спасали напульсники. Как я о них узнала – меня в полетах укачивает. До появления первой доченьки я часто принимала аптечные препараты от укачивания, а когда родилась Мира, то в первый наш полёт я взяла напульсники от укачивания, и они сработали. Поэтому, когда я забеременела Тасенькой, я решила проверить, будут ли напульсники помогать от токсикоза. И они сработали. Не полностью, но значительно облег-

чили состояние. Легкая, фоновая тошнота, которую можно было терпеть. С этим можно было жить, делать домашние дела, заниматься старшей доченькой.

Еще с первой беременности в моей памяти жила фраза, сказанная врачом: «Беременной нужно вести себя как хрустальная ваза». Мне эта фраза не понравилась. И всё же в первую благополучную беременность, я была максимально осторожной. Минимум стресса, гимнастика, прогулки на свежем воздухе, спокойствие внутри и снаружи, отсутствие поездок и полётов, не поднимала тяжести.

Но в эту беременность я не ощущала такой хрупкости. Не чувствовала, что должна быть «хрустальной вазой». «Разве беременность – это болезнь?» – нашла я контраргумент. Мне приходилось порой поднимать старшую дочку, весь быт и заботы о ребёнке лежали на мне, да и стрессов было неожиданно много. В первый триместр, если бы не токсикоз, ко мне вполне могло бы примениться словосочетание: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Я чувствовала себя сильной.

После первого триместра, с отступлением токсикоза, мы с супругом воспользовались моментом и стали часто путешествовать по выходным: ездили в горы, исследовали соседние города, а однажды осуществили давнюю мечту – побывали в Каппадокии. Там мы были вчетвером: муж, я, дочка Мира и дочка Тася у меня в животе. Это была чудесная поездка, наполненная радостью.

В тот период, за первый триместр и начало второго, мне довелось трижды обращаться к врачу в чужой стране, где мы тогда жили:

На девятой неделе я почувствовала напряжение и боль в животе, начались лёгкие, кровянистые выделения. Помню своё чувство страха: «Это всё, конец?». Когда я приехала в больницу, выделения прекратились. На УЗИ мой малыш. Такой маленький и чудесный. Сердце бьётся, и он шевелит ручками и ножками. После УЗИ врач произнес: «Сейчас всё хорошо. Если начнётся кровотечение – приезжайте». В той стране не принято сохранять беременность до двенадцати недель. Мне прописали лишь фолиевую кислоту и отправили домой. А я чувствовала, как живот напряжен, и по ночам ноги стало сводить судорогами. В аптеке я купила не только фолиевую кислоту, но и добавила магний. И тогда я решила устроить себе неделю полного покоя. Я позволяла себе отдыхать, почти полностью отстранилась от домашних дел, перестала поднимать старшую дочку и вообще – любые тяжести. То ли магний оказался эффективным, то ли подействовал мой отдых, но спустя два-три дня напряжение в животе прошло, судороги ног прекратились по ночам, и мне стало лучше. Магний я пила почти до тридцать второй недели, пока врач в женской консультации не сказал, что постоянно пить его нельзя, нужно делать перерыв.

На двенадцатой неделе – УЗИ и сдача анализов. На УЗИ – всё идеально. Сообщили пол – девочка. Моя подрастаю-

щая, здоровая, красивая девочка. Сделали много снимков на УЗИ, будто устроили целую фотосессию. По анализам крови тоже всё было хорошо.

На девятнадцатой неделе, перед перелётом, мне понадобилась справка. И снова УЗИ, анализы. Моя малышка – любимая и уже такая осязаемая. Всё было хорошо.

Вот и двадцать недель моей беременности. Я чувствовала себя активной и полной сил. Пришло время улететь на Родину без возврата. Я этого ждала. Тосковала по родным местам, по близким людям, по языку, природе. Хотела донашивать беременность именно дома, встать на учёт в ту самую женскую консультацию, где уже наблюдалась, когда была беременна старшей дочерью. Мы улетаем всей нашей разросшейся семьей: с огромным багажом, собакой и двумя кошками.

Перелёт прошёл спокойно. Единственное, что меня беспокоило, сильно опухли ноги. Это стало для меня неожиданностью. Я не надела компрессионные чулки и даже не подумала о них. Спустя много времени, уже после потери, один из близких родственников мне сказал, что причиной трагедии стал именно этот перелёт. Мне было горько и не приятно слышать эти слова. Ведь у меня было разрешение врача, я чувствовала себя хорошо, и никаких явных противопоказаний не было.

Я вернулась на Родину: сделала УЗИ в перинатальном центре и встала на учёт в женскую консультацию. К своему участковому врачу попасть не удалось, так как она была в

отпуске, и меня направили к другому специалисту. Врач акушер-гинеколог была в возрасте, приятная, добрая и одновременно безразличная. Анализы читала вскользь, не заостряя внимание.

К сожалению, на основании той диагностики, которая была, выводы не делались – ни врачом, ни мной. Я сняла ответственность за разбирательство в анализах и обследованиях, доверившись полностью врачу. Это была моя ошибка. Мне следовало самой внимательнее следить за своим состоянием. По назначению врача я пила витамины: йод, фолиевую, витамин д, а в третьем триместре – железо.

На двадцать пятой неделе беременности произошёл несчастный случай: я сильно упала на спину с высоты своего роста, поскользнулась. После этого у меня заболел живот, и постепенно начались схватки. Они были точно такие же по ощущениям, как и тогда, когда я рожала старшую дочь. Поздний вечер. Супруг вызвал скорую, и меня увезли в перинатальный центр. В приёмном покое в документах написали: «ложные схватки» и проводили в общую палату. Перед этим медсестра выдала мне препарат, который должен был остановить начало схваток, и расписала схему приема.

Когда меня принимали в приёмном покое, я помню, как девушку на двадцатой неделе беременности отправили в родовую. Я испугалась тогда, что мне скажут тоже самое. Это было ужасное сплетение чувств: горечь за девушку на двадцатой неделе беременности, страх за своего ребенка и об-

легчение от того, что меня отправили в общую палату.

Препарат помог, и схватки прекратились. Кроме того, мне назначили два гормона: уколы для раскрытия легких малышу (на случай, если все же начнутся роды) и гормон для сохранения беременности. Каждый день мне делали КТГ, а перед выпиской провели УЗИ. С Тасенькой было всё хорошо.

Все три дня, проведенные в перинатальном центре, я боялась преждевременных родов. Постепенно мое состояние нормализовалось, КТГ хорошее и УЗИ тоже. На четвертый день меня выписали, добавив, что по анализам у меня лёгкая анемия и инсулин 5.4, но, анализ брали при поступлении, поэтому данные не информативны.

Выписку я отнесла участковому врачу в женской консультации в этот же день, после чего врач сообщил мне, чтобы приходила по записи, как она и назначила. Подобные «ложные схватки» я испытала потом только в день родов.

Анимию мне поставили в перинатальном центре, когда я там лежала после падения. Врач акушер-гинеколог в женской консультации назначил препараты железа, добавив, что гемоглобин 110 не является поводом для беспокойства.

Также во время беременности я болела ковидом. Я не помню – произошло это до падения или после. Перенесла болезнь я дома, относительно легко. Акушер-гинеколог знал о моей перенесённой болезни, никакой поддерживающей терапии после болезни назначено не было.

Уровень инсулина натошак постоянно держался в диапа-

зоне 5.1-5.4. Когда врач видел показатели, спрашивал, вы, наверное, сладкое ели? А я и правда иногда ела сладкое, а иногда нет. Глюкозотолерантный тест (ГТТ) в период с 24 по 28 неделю беременности мне не предложили. А я просто забыла об этом. Когда вспомнила, подумала о том, что врачу лучше знать – назначать этот тест или нет. Значит он мне не нужен.

Иногда, очень редко, после еды мне становилось плохо. Но я и подумать не могла, что это может быть признаком гестационного диабета. Это была моя ошибка – полное доверие врачебному процессу.

Я была беременна и просто жила, не ожидая ничего плохого. Сейчас думаю: почему была такой расслабленной, почему не вчитывалась в анализы? Как будто мой мозг в то время работал в замедленном режиме. Мне не хотелось, чтобы меня лишний раз беспокоили. Я не думала о смерти и готовилась к жизни. Я думала о том, как буду справляться с двумя детьми, как организовать переезд после родов. Готовила вещи для малышки и ждала родов.

К эндокринологу направления не было. Врач-терапевт, кажется, вообще не заметила мои анализы. На тридцать пятой неделе беременности мой акушер-гинеколог в женской консультации предложила проверить инсулин с пищевой нагрузкой, так как результаты были в диапазоне 5.1-5.4 с момента постановки на учёт: «Если конечно, вы хотите». А я тогда уже ничего не хотела, кроме долгожданного наступле-

ния родов. ПДР стоял у нас с Тасей на 29 февраля, високосный год.

Под конец третьего триместра я всё чаще чувствовала себя плохо. Я не могла объяснить словами своё состояние. В целом: слабость, упадок сил, нехватка воздуха, ощущение, что задыхаюсь. Когда я говорила врачу о слабости и что, чувствую себя не хорошо, то слышала в ответ: «вы же беременны, это нормально для беременных».

На приеме у акушера-гинеколога на тридцать шестой с половиной неделе я сказала, что малышка стала меньше шевелиться. Врач ответил: «Ребенок растёт, ему уже тесно, поэтому и движения могут уменьшаться». После приема меня отправили на КТГ. Специалист, проводивший обследование, сказал: «Скорее всего, ваш врач сейчас отправит пересдавать КТГ». На ленте увидела цифру – 7 баллов. Я отдала ленту с данными КТГ своему врачу, передала слова специалиста. Врач просмотрела ленту и спокойно сказала: «Всё в порядке. Можете идти». Следующий прием назначили на 19 февраля, через две недели.

Я, конечно, описала всё так, будто в моей потере виноват врач. Но это не так. Вина лежит и на мне. Это моя ответственность. Но как же я до сих пор злюсь на своего акушера-гинеколога. За его упущения, недосмотр, за его безразличие и равнодушие. Моё мнение, что если беременная женщина не разбирается в результатах анализов, КТГ, то это прямая трудовая обязанность врача. В рамках приёма – го-

ворить обо всём, изучать анализы, в случае спорных ситуаций направлять на дообследование.

Я до сих пор помню, как со мной разговаривал терапевт, когда я была беременна Мирой. Ей было не всё равно. Она прочитала мне небольшую лекцию о последствиях анемии беременной для ребёнка в утробе. Я помню своего акушера-гинеколога, которая вела мою беременность с Мирой. Как она внимательно следила за моими анализами и вовремя назначала все необходимые обследования, строго по сроку. Не было гипердиагностики, но был полный контроль и погружение в мои анализы в рамках приёма. Всё делалось вовремя.

Глава 2. Роды. Потеря

День, который изменил всё

17 февраля, вечер. Помню, вдруг показалось, что дочка совсем затихла. Я потрогала живот: «Эй, малышка, ты как?». Она ответила лёгким касанием, и почувствовала её икоту. Я улыбнулась, успокоившись. Приём у врача был назначен на понедельник, 19 февраля.

18 февраля, в воскресенье, я не чувствовала обычных толчков. Но ощущала, как поднимается бугорок в верхней части живота. Так бывало и раньше, и я думала, что это она так двигается. Вечером начались лёгкие схватки. Я погладила живот и сказала: «Я жду тебя, моя доченька».

Легла спать, хотела накопить силы для родов. Схватки оставались слабыми. Фоном включила музыку, кошка рядом мурлыкала, и я уснула. Мне было хорошо. Будто пушистое облачко обволакивает меня и баюкает. Снился сон – я в пустом, чёрном пространстве, а напротив меня экран. Я вижу несколько людей, а они меня. Мы смотрим друг на друга. Я чувствую, что они волнуются за меня.

После трех часов ночи, схватки стали ощутимее. Я подождала еще немного и в пять утра начала собираться в роддом, где хотела рожать.

В приемном покое я была одна, поэтому меня быстро

оформили. Акушерским стетоскопом проверили сердцебиение: всё в порядке. После осмотра на кресле меня проводили в родовую палату, начали подключать КТГ. Врач не смогла уловить сердцебиение. Списала на старый аппарат, пообещала привезти другой. И второй КТГ ничего не показал. Врач занервничала, позвала команду. В родовую привезли старый аппарат УЗИ, определили головное предлежание. Затем снова попытались найти сердцебиение КТГ – и он заработал. Показал 130-150 ударов в минуту.

В тот момент мне даже в голову не пришло, что с моей малышкой что-то не так, что она могла умереть. Верила, что проблема в аппаратуре.

Я в родах. Нестерпимо захотелось в туалет. Мне принесли судно, но я не смогла даже встать – начались потуги. Я готовилась к родам, изучала техники дыхания, которые так помогали мне в первый раз. Но сейчас ничего не работало. Я могла только «звучать» на схватке: глубокий вдох и низкий, грудной звук на выдохе.

Пришла команда врачей. Врач очень помогала, поддерживала. Все вокруг поддерживали. Потуга. Пробивается головка малышки. Врач видит цвет волос: «Рыженькая! Кто у вас в семье рыжий?». Еще две потуги – и родилась доченька. У меня Мира была рыженькой, потом волосы посветлели. И Тасенька тоже родилась рыжей. Красавица.

Мне положили её на живот. Смотрю, она не двигается. Безжизненная. Неонатолог забрала её к родильному столи-

ку и начала реанимировать. Я видела крохотные ручки, ножки. Мою доченьку. Но она не дышала. Через какое-то время неонатолог прекратила свои действия. Я вижу это и говорю: «Пожалуйста, не останавливайтесь! Спасите мою доченьку!». И неонатолог вновь начинает проводить реанимационные действия. Родовая деятельность завершается – послед, несколько швов из-за внешнего разрыва. Я ничего не чувствую. Смотрю только на дочь.

Неонатолог снова прекращает реанимацию: «Она умерла еще до родов, в глазах есть изменения». Моя дочь не смогла сделать первого вдоха. Её уносят, я кричу.

Такие прекрасные роды, врачи... и такой ужасный итог. Все были в шоке. Я видела, как врачам тяжело. Они приходят принимать жизнь, а приняли мёртвого ребенка и горе матери. Дальше всё как в тумане. Я рыдала в беспамятстве.

Спустя время пришла врач, принимавшая у меня роды, начала расспрашивать. Сказала, что изучила мою карту и у нее возникли вопросы: «У вас очень высокий Д-димер. Вы принимали препараты для разжижения крови? По анализам у вас гестационный сахарный диабет. Вы соблюдали диету, наблюдались у эндокринолога?». Вся эта информация была в моей обменной карте по результатам анализов.

Врач спросила, как дочь двигалась в последние дни. Я рассказала, что в день перед родами поднимался бугорок на животе, и я думала, что это дочь так двигается. Ведь и раньше во время беременности чувствовала такие же движения.

Она сказала, что это не моя вина. Что смерть может произойти мгновенно из-за тромба. Из-за высокого Д-димера у неё другого объяснения не было – скорее всего, смерть ребёнка произошла именно из-за этого, тромб, вероятно, попал в плаценту. Она спросила о первой беременности. Я рассказала о замершей первой беременности, и она предположила, что это может быть связано. И рекомендовала обследоваться после выписки, сдать анализы на АФС.

Анализ на Д-димер сильно напугал врачей. До самой выписки из больницы мне постоянно проверяли ноги на признаки тромбоза.

Итоги моих родов стали не только травматичными для меня, но и для команды врачей. Я им оказалась не безразлична. Спустя время узнала, что акушера-гинеколога, который вёл мою беременность, сняли с приёма беременных. Я не жаловалась, не писала никаких грозных писем. Произошедшее вышло на уровень диалога двух медицинских структур.

Последние объятия

Пришла главный врач родильного дома. Она села рядом, взяла меня за руку и спросила: «Хочешь посмотреть на дочку?».

– Да.

Мне принесли мою доченьку Таисию, завернутую в пелёнку, и положили рядом со мной. Я приоткрыла пелёнку, освободив руки и лицо. Смотрела на неё и впитывала каждый

миллиметр того, какая она чудесная девочка. Красивые губы, носик и милые, маленькие пальчики. Это был ребёнок, которого я вынашивала для жизни. Но она умерла у меня в животе на 39-й неделе.

В последний раз гладила, обнимала мою девочку и не могла насмотреться на неё. Мне не верилось, что её больше нет. На мгновение захотела сфотографировать на память, но передумала. Зачем фотографировать мёртвых, это что-то противоестественное – так мне показалось. А спустя время пожалела о своём решении. Фотографию удалить легко, а не сделанного не вернёшь. Ведь я единственная из семьи, кто увидел её такой красивой, будто живой. Мой муж хотел бы увидеть её без изменений, которые несёт с собой смерть, но не успел. Мне очень жаль.

Принесли аппарат ЭКГ. Решили проверить нет ли нарушений со стороны моей сердечно-сосудистой системы. Как я понимаю это решили сделать из-за того, что КТГ во время родов фиксировал моё учащённое сердцебиение. Обнимала дочку и её забрали. Я что-то кричала. Смутно помню эти моменты.

Главного врача заменила перинатальный психолог и пробыла со мной до тех пор, пока меня не перевели в палату. Я благодарна, что меня смогли поддержать окружающие в такой тяжёлый момент. Отнеслись ко мне так, будто я их родной человек.

В роддоме без тебя

Дни в роддоме слились у меня в голове в одну серую пелену. Я много плакала. Первый день был особенно тяжёл. Я помню, как меня везли на каталке не в послеродовую, к уже свершившимся мамам, а в гинекологическое отделение. Мне предоставили отдельную палату, за это я особенно благодарна. И за другое отделение – тоже. Моя палата была рядом с холлом, где пациентки могли посидеть на диванчиках и отдохнуть, но во время моего пребывания холл пустовал.

Я старалась плакать тихо, но иногда я не сдерживалась и рыдала, выла. Было ощущение, как будто я животное, у которого отняли всё, что у него было. Персонал роддома был ко мне добр, внимателен. Перинатальный психолог приходила ко мне раз в день. Она говорила со мной и выслушивала, оказывая мне большую поддержку.

Первые дни в роддоме были наполнены ужасающей пустотой. Моё тело родило ребёнка, но его нет. Я не могла совладать со своими чувствами. Меня разрывало чувство, что я должна бежать, искать своего ребёнка, прижать его к груди, обнять.

И эту внутреннюю пустоту невозможно передать словами. Это было невыносимо. Мне казалось, что всё это не по-настоящему. Будто где-то есть другая Лена, у которой всё хорошо, у которой родился живой и здоровый ребенок. И вот сейчас я нахожусь просто не в той реальности. Как будто всё это – сон.

Были моменты, когда я думала: если мой ребёнок умер, то дайте мне другого. Ни завтра, ни послезавтра, ни через год, ни через два, а вот прямо в эту секунду, в этот момент! Я его так же напитаю любовью, я его так же взращу. Отдайте мне малыша, который никому не нужен... Он мне нужен. Моё тело кричало о том, что что-то идёт не так. Грудь набухла, внутри волна любви, а снаружи пусто и руки пусты. Всё это было так неправильно и горько. Это нерациональное желание прошло практически сразу, когда завершилась лактация, благодаря действию таблеток, её останавливающих.

Я поддерживала своё пребывание в родильном доме музыкой. В наушниках фоном часто играла мелодия без слов. Иногда я смотрела видео – православные, духовные, посвященные вопросу «почему уходят, умирают дети». Ответ я не находила, но меня это успокаивало. Это был мой способ не сойти с ума. И музыка мне помогала спать, без неё я не засыпала. Таким образом я могла поспать ночью хотя бы три-четыре часа.

Меня поддерживали мои подруги. Если что-то мне было нужно, они мне это привозили. Их поддержка тогда не дала мне утонуть в собственном горе.

Мой муж был на момент родов в другом городе. О смерти Таисии я сообщила почти сразу после родов. Ко мне он выехал в тот же день. Когда он пришёл ко мне, то был очень зол. Он испытывал большую злость: «Почему так произошло?». Я не понимала, на кого эта злость была направлена. На от-

крытый диалог он не шёл, и я впервые почувствовала вину за смерть дочери.

Супруг хотел пойти к врачам на разборки с этим внутренним комком злости и агрессии. Но я его остановила. Почему? Не знаю. Сейчас понимаю, что это было его проживание горя и не надо было его останавливать.

Мне предстояло испытать в роддоме неприятное событие: получение справки о смерти. Дети, погибшие во время родов или в утробе матери, не получают свидетельства о рождении. Они получают только справку о смерти. Как будто они и не жили. Есть только справка. В ней даже нельзя указать имя ребенка.

Я получила справку на третий день после родов. Я прошла через весь роддом. Пустая и скрюченная от горя. Я проследовала мимо послеродового отделения, где увидела мам с младенцами. Тепло и горько.

В роддоме я пробыла пять дней. Мне ставили антибиотики из-за изменений в крови, возможно, чтобы избежать сепсиса. Также мне прописали уколы специального препарата на шесть недель для разжижения крови и таблетки для подавления лактации. Ноги проверяли каждый день на наличие тромбов и сказали приобрести компрессионные чулки.

И вот настал день выписки. Я собрала свои вещи. Выходила я из гинекологического отделения. Мне было горько от того, что я выхожу с пустыми руками. Я заходила в роддом с животом, а выхожу – без живота и без ребенка.

После выписки из роддома я специально съездила к флебологу, проконсультировалась и сделала УЗИ вен ног. Компрессионные чулки тогда он отменил, а уколы я продолжила делать.

Таисию отправили на вскрытие вместе с плацентой для выяснения причин. Позже я получила протокол вскрытия и выписку из него. Причина смерти – асфиксия. Слова «тромб» в протоколе и выписке не было.

Глава 3. Первые 40 дней

Прощание с ангелом. Похороны

Я вернулась домой. Дома меня ждала старшая дочка, которая нуждалась в маме. К тому моменту Мире исполнилось три года и один месяц. Ещё совсем малышка. Я занималась дочкой, старалась быть участливой и вовлеченной в общение с ней.

Организацией похорон занимался мой муж вместе с моей мамой. Я, ещё находясь в роддоме, нашла в интернете ритуального агента. Она помогла с получением участка на кладбище, с приобретением всех необходимых атрибутов и организовала весь процесс похорон. А моя мама тем временем организовала поминки. По сути, я ничего не сделала. Только нашла агента, а всё остальное муж с моей мамой сделали сами.

Единственное, о чём я позаботилась, – это как будет одета наша с супругом малышка. Помню, я думала, что не успею подготовить: нужно было уже отвозить вещи в морг. Моя мама не нашла вещи, о которых я ей говорила по телефону. Но я успела: в день выписки перед отъездом супруга в морг, всё нашла и подготовила.

Мне было важно, чтобы дочь была в красивом наряде, который купили ей с любовью и теплотой. Комбинезончик,

чепчик, пелёночка – как на выписку. Даже задумалась об одеялке, но осознала, что ей больше никогда не будет холодно.

И вот наступил день похорон. На похороны пришли родители, мои подруги и родственницы. Старшая дочка осталась с мужем моей двоюродной сестры.

Зал прощания. Я думала, что там, увидев свою дочку, просто разрыдаюсь. Я зашла и посмотрела на свою Тасеньку, на своего младенца... И это как будто была не она, так сильно изменилась за прошедшие шесть дней. Это было страшно и горько. Мой голос застрял в горле. Я не смогла заплакать и смотрела на себя будто бы со стороны. Мой муж плакал за нас обоих, а я стояла рядом.

Зал прощания был в нашем распоряжении целый час. В какой-то момент я почувствовала, что мне уже всё хочется закончить. Всё это. Я подошла к гробу и прикрыла лицо дочери пелёнкой. Я смотрела на окружающих меня людей и видела только шок на их лицах. Мне так отчаянно в эти мгновения захотелось, чтобы они увидели Тасеньку такой, какой её видела я, без изменений. Зачем всё это? Почему это похороны, а не радостная выписка из роддома?

Потом мы поехали на кладбище. И лишь в тот момент, когда мы ненадолго открыли гроб, чтобы попрощаться ещё раз, я не сдержалась. Меня на пять секунд накрыла волна рыданий. И я тут же успокоилась, как будто во мне была кнопка «выключить все чувства».

Мы похоронили дочку Таисию. Сделали красивую могилку и поставили крест с её фамилией, именем, отчеством и одной датой рождения и смерти – 19 февраля. После этого мои родственницы стали класть сверху игрушечки. Вся могила моей дочери была усыпана игрушками и сл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.